ДѢТСКАЯ СТРЯПНЯ.

На другое утро, часу въ одиннадцатомъ, Алексѣй Романовичъ повезъ Алю на званный обѣдъ; ему хотѣлось самому поближе заглянуть на нѣмецкое хозяйство; но напередъ онъ заѣхалъ за племянницами, которыя еще гостили у Саши; тамъ встрѣтили его слезами: Лиза съ Зиной неутѣшно плакали о томъ, что мать отказала пустить ихъ стряпать обѣдъ, — она обѣщала привезти ихъ сегодня на какой–то парадный вечеръ. Сердитый Миша встрѣтилъ дядю словами:

— Эти дѣвочки думаютъ только о томъ, чтобъ имъ было весело. Онѣ насъ не приглашаютъ, такъ хорошо же!.... Вотъ ужо, на мои именины, я самъ съ Алешей и Сережей состряпаю обѣдъ, а ихъ не позову.... И ничего имъ не дамъ, сказалъ онъ задорно, поглядывая на Алю съ Сашей, — только Лизу съ Зиной приму, прибавилъ обиженный мальчикъ. Когда же дѣвочки стали нѣжно другъ съ другомъ

прощаться, то онъ выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы скрыть свои слезы.

— Папа! сказала Аля, глотая слезы, я лучше не поѣду!

Услыхавъ слова сестры, Саша въ одну минуту рѣшительно сбросила съ себя шапочку, и съ плачемъ бросилась къ бабушкѣ; дѣвочка крѣпилась цѣлое утро, еще со вчерашняго вечера перебрала она всѣ игрушки, даря то ту, то другую сестрамъ; ей казалось, что онѣ утѣшились. Но когда дѣло дошло до прощанья, Лиза съ Зиной позабыли всѣ подарки и уговоры, и плакали навзрыдъ.

Полубольная старушка подозвала племянника и сказала ему:

— Отвези напередъ дѣтей къ Линочкѣ, нельзя же имъ въ самомъ дѣлѣ не ѣхать и разогорчить бѣдняжку; она вѣрно уже совсѣмъ приготовилась и потратила много денегъ. Потомъ поѣзжай къ сестрѣ, и попроси ее отъ меня, пустить дѣтей на Линочкинъ обѣдъ; пусть Маша извинится моимъ именемъ передъ своими знакомыми, — со старухи не взыщутъ. Ну,

дѣтки, поѣзжайте съ Богомъ, а вы, дурочки, перестаньте плакать, сказала бабушка, я надѣюсь, что дядя выпроситъ васъ у мамы.

Лиза съ Зиной повеселѣли, у Али съ Сашей также отлегло отъ сердца, и онѣ, распростясь и усѣвшись въ сани, быстро покатились къ свѣтленькой учительской квартиркѣ, гдѣ такъ нетерпѣливо ждала ихъ маленькая хозяйка.

— Мама, что же это будетъ, спрашивала Лина, если онѣ опоздаютъ и не пріѣдутъ къ десяти часамъ?

— Мы подождемъ съ полчаса, даже подождемъ ихъ до одиннадцати, сказала мать.

Дѣвочка весело вздохнула и побѣжала еще разъ заглянуть на кухню. Кухня эта была всегда такъ свѣтла и чиста, какъ прочія комнаты въ домѣ, и отличалась отъ нихъ развѣ только плитой, да кухонной посудой; сегодня же Анхенъ убрала ее на славу, точно какъ бывало, живя подъ Нарвой, убирала комнаты своей хозяйки, т. е. густо усыпала полъ тонкимъ бѣлымъ

пескомъ съ Воробьевыхъ горъ, разбросала по немъ пригоршни двѣ зеленыхъ вѣточекъ и листьевъ, которыя выпросила у земляка садовника, разставила въ парадѣ всѣ свои четыре кофейника, надѣла шерстяное коричневое платье, бѣлый чепецъ съ такими же оборками и поблеклый тафтяной передникъ, подъ рукою же держала взапасъ другой, тиковый. Гостей на кухнѣ Анхенъ считала своими гостями.

Малютка Мальхенъ, сидя посереди кухоннаго стола, сосетъ морковку; завидя сестру, она замахала ручонками и потянулась было къ ней; Лина и не прочь бы понянчиться съ сестрицей, но у нея одна забота: что, какъ гости опоздаютъ и придется безъ нихъ приставить супъ, а супу надо вариться на легкомъ огнѣ часовъ пять! Но вотъ кто–то подъѣхалъ, и точно будто стукъ затихъ у самаго подъѣзда; Лина постояла одно мгновенье... заслыша шорохъ въ галерейкѣ, она бросилась въ переднюю, а тамъ отецъ ея уже впускалъ и принималъ желанныхъ гостей!

Перецѣловавшись съ Алей и Сашей, она понеслась съ ними къ матери, крича: «Мама, мама, ужь пріѣхали, мама, мы пойдемъ въ кухню!»

На дорогѣ Лина узнала отъ гостей своихъ, что Лиза и Зина быть можетъ еще пріѣдутъ, а Мери навѣрно будетъ.

Остальныхъ гостей нельзя было ждать; повязавшись салфеточками, дѣти обступили столъ. Эмилія Ѳедоровна хотѣла дать, какъ слѣдуетъ, урокъ стряпни: она взвѣсила при дѣтяхъ говядину, ее оказалось четыре фунта, кухарка еще разъ сполоснула ее и передала дѣтямъ, которыя съ непривычки нѣсколько попятились, но потомъ Аля храбро взяла сырое мясо и положила въ кастрюлю, туда же положили телячью кость, изъ–подъ вчерашняго жаркаго. Въ толковомъ нѣмецкомъ хозяйствѣ ничего не пропадетъ.

— Ну, теперь надо наливать воду, только самую холодную, сказала Эмилія Ѳедоровна, и обратясь къ дочери, спросила ее: Много ли бутылокъ воды слѣдуетъ на четыре фунта?

— Полторы бутылки на каждый фунтъ, значитъ надо влить шесть бутылокъ воды, да еще, мама, на кость надо прибавить.

— Ну, кость мы положимъ даромъ, а на курицу, которую сваримъ попозже въ этомъ же наварѣ, нальемъ пожалуй теперь же еще бутылки двѣ воды.

Тяжелую кастрюлю Анхенъ бережно взяла со стола и поставила на край плиты. Хозяйка замѣтила дѣтямъ, что если кто хочетъ сварить хорошій супъ, безъ пригари и клейнаго вкуса, то надо ставить его на самый слабый огонь, часовъ на пять; а какъ подавать его, тогда снять вьюшку, подвинуть супъ на самый пылъ и дать минутъ десятокъ хорошенько прокипѣть.

— Мама, а мы соли не положили, закричала Лина.

Саша взяла было щепоточку соли и хотѣла бросить въ кастрюлю.

Старая чухонка расхохоталась: Маленька барисня такъ въ сладкое пирозное соль кладутъ, говядина хоцетъ много соли!

— Ты не бойся, Саша, захвати цѣлую горсть! ободряла Лина гостью, — и соль посыпалась изъ маленькой горсточки въ кастрюлю, и запрыгали крупинки по плитѣ.

— Теперь давайте чистить коренья въ супъ, продолжала маленькая наставница.

Дѣтямъ дали одну рѣпку, пять картофелинокъ и двѣ морковки; сама же кухарка, ошелушивъ луковицу, воткнула въ нее гвоздичку и опустила въ кастрюлю.

Гости, поглядывая на искусную Лину, робко чистили ножемъ картофель, но, съ непривычки, кожурка безпрестанно обрывалась и падала, а у проворной хозяйки она висѣла длинной, ровной ленточкой!

Послышался сильный звонокъ, и вслѣдъ за нимъ вбѣжала маленькая Мери, вбѣжала, и ну со всѣми цѣловаться! Прыгнула она и къ Эмиліи Ѳедоровнѣ и повисла у нея на шеѣ: «Душечка, Эмилія Ѳедоровна, что я вамъ скажу, говорила она задыхаясь отъ волненія, какъ братьямъ хотѣлось къ вамъ стряпать!»

— А какъ Мишѣ–то хотѣлось, печально сказала Саша, онъ чуть–чуть не плакалъ!

Эдуардъ Ивановичъ, курившій въ дверяхъ сигарку, подслушавъ дѣтскіе разсказы, весело кивнулъ женѣ и вышелъ тихонько изъ кухни; нарядясь въ свою новую шубу онъ спѣшно вышелъ изъ дому.

Тонкій паръ подымается съ суповой кастрюли; дѣти поочередно стоятъ съ шумовкой и караулятъ пѣну, не давая ей перекипать или пасть на дно, иначе супъ будетъ мутенъ.

Мери очень удивлена убранствомъ кухни, она долго ахала и любовалась, но теперь поуспокоилась и забавляется тѣмъ, что перепрыгиваетъ чрезъ вѣточки, оглядываясь на крошечные слѣды, которые за каждымъ ея прыжкомъ такъ вѣрно отпечатываются на бѣломъ пескѣ.

Караулить пѣну около часу, безпрестанно славливая ее рѣшетчатой ложкой, дѣло вовсе не занимательное, но дѣтямъ нашимъ эта забота такъ нова, что онѣ нехотя уступаютъ другъ другу свой чередъ.

Сильный звонокъ вызвалъ кухарку, за нею побѣжала Лина съ Сашей, чтобы посмотрѣть, не Алексѣй ли Романовичъ пріѣхалъ и не привезъ ли онъ Зины съ Лизой, но онѣ встрѣтились и столкнулись лбами съ Мишей и Алешей, и всѣ четверо едва устояли на ногахъ, такъ спѣшили мальчики стряпать, крича: «И мы, и мы тоже, мы все станемъ дѣлать, что дѣлаютъ сестры, мы станемъ слушаться Эмилію Ѳедоровну!»

Видно было, что бабушка хорошо затвердила имъ это наставленіе. Откуда же взялась эта шумная ватага? Давно ли Алеша ходилъ повѣся голову, а Миша дулся и плакалъ про себя? Видно, не даромъ Эдуардъ Ивановичъ подслушалъ Мерины розсказни! Радость Сережи была покойнѣе, онъ не метался какъ братья его, отъ плиты къ столу, къ ушату, къ полкамъ, но радость его выражалась въ быстрой готовности всѣмъ прислуживать. Миша же служилъ себѣ, онъ уже прыгалъ на четвереньках по полу, а Алеша приглядывалъ, хорошо ли отпечатывались братнины пятерни.

— Дѣти, дѣти! это слѣды допотопной ящерицы! закричала Аля, шутя, глядя на испещренный песокъ.

Алеша соблазнился Мишиной игрой, не устоялъ и бросился плашмя на полъ; песокъ брызнулъ вверхъ и обдалъ маленькихъ стряпухъ; но Эмилія Ѳедоровна всѣхъ угомонила, раздавъ каждому по особому дѣлу.

Супъ накрыли крышкой, потому что пѣна болѣе не всплывала; дѣвочки принялись варить рисъ къ курицѣ: положили въ кастрюльку масла, растопили его, высыпали фунтъ рису, посолили и поставили на плиту, чтобы зарумянился, а чтобы онъ не пригорѣлъ, то дѣти безпрестанно мѣшали деревяннымъ веселкомъ; когда же рисъ слегка весь пожелтѣлъ, то налили въ него ковша два навару, и поставили вариться, до тѣхъ поръ, пока въ зернышкахъ ничего не останется жесткаго.

Наконецъ–таки пріѣхалъ Алексѣй Романовичъ и привезъ дѣтей; онъ прошелъ съ ними на кухню, осмотрѣлъ разныя

замысловатыя выдумки, полюбовался кухоннымъ парничкомъ, который занималъ все окно: петрушка, порей, укропъ и салатъ росли взапуски другъ передъ дружкой; такъ свѣжо и зелено было тутъ, какъ будто солнышко свѣтило на нихъ среди весны; но болѣе всего похвалилъ онъ рѣшетчатыя дырочки передъ топкою, эту необходимую вещь въ домѣ, гдѣ дѣти часто вертятся около плиты: долго ли подпалить себѣ платье — отчего дѣти не разъ уже умирали ожогами.

Алексѣй Романовичъ уѣхалъ, хозяйка пошла уложить ребенка, дѣти рубятъ котлетки, толкутъ сахаръ и щебечутъ какъ воробушки въ оттепель. Вдругъ слышитъ Эмилія Ѳедоровна звонокъ, потомъ шумъ, потомъ легкую побѣжку своей дочери.

— Мамочка, мамочка! бѣда случилась! Какая у насъ бѣда случилась! Варинька пріѣхала! что мы станемъ теперь дѣлать? говорила перепуганная Лина.

Варинька была дѣвочка добраго сердца, но вѣтрена и шаловлива до крайности;

посѣщенія ея рѣдко обходились безъ большихъ шалостей.

— И какъ это она, мама, узнала, что мы готовимъ обѣдъ, шептала Лина сквозь слезы.

— Душечка, Эмилія Ѳедоровна, я выпросилась къ вамъ стряпать! звонко проговорила Варя, кидаясь на шею къ своей бывшей учительницѣ.

— Тсъ! тихо проговорила хозяйка, указывая глазами на заснувшую малютку.

— Линочка, душечка, какъ я тебя люблю, тарантила Варя уводившей ее Линѣ; ты не знаешь какъ трудно мнѣ было выпроситься у мамы, она совсѣмъ не хотѣла меня пускать, говоритъ, что не годится навязываться!

— Такъ ты какъ же! спросили ее дѣти.

— А я, какъ услыхала отъ нашей ключницы, что Эдуардъ Ивановичъ пріѣхалъ забирать мальчиковъ на стряпню, я и побѣжала также проситься, а потомъ, какъ мама отказала, я придумала съ Досенькой сказать мамѣ, будто Эдуардъ Ивановичъ вызвалъ Досеньку и просилъ

передать мамѣ приглашенье; мама позвала ее, а она, такая душка! все такъ и разсказала, точно въ самомъ дѣлѣ все такъ и было!

— Ты обманула свою маму! Ты съ Досенькой солгала! закричали въ голосъ Лина съ Алей.

— Кто эта Досенька? спросила хозяйка.

— Это моя новая гувернантка, Ѳедосья Ивановна, что была у Зины, бойко отвѣтила Варя.

— Ай да Ѳедосья Ивановна! крикнулъ Сережа, хлопая въ ладоши: такъ вотъ чему она тебя учитъ!

— Ну, что же вы стряпаете? Ну, давайте же и я буду съ вами! Это ты что дѣлаешь? спрашивала Варя, хватаясь за блюдо, на которомъ Анхенъ деревянной вилочкой взбивала бѣлки, дай мнѣ, душенька, я это очень люблю болтать!

— Нельзя, нельзя, сказала хозяйка, отводя дѣвочку: бѣлки надо умѣючи подымать, а то, если ихъ подсѣчешь, то тѣсто не подымется и пирогъ намъ не удастся.

Варинька никогда не задумывалась надъ своими шалостями, не дослушивала, что ей говорили; она бросилась въ другую сторону, заглядывая во всѣ миски и кастрюли.

Четыре сестрицы по–очередно что–то мѣшали въ мискѣ деревянной ложкой, по краю посуды текла густая, желтая полосочка; маленькая Мери старательно подчищала ее пальцемъ и облизывала его.

— Душечки, это что у васъ такое? спросила Варя, ткнувъ пальцемъ въ чашку.

— Варинька! ахъ, Варя! какъ тебѣ не стыдно, Варя, пальцемъ подлизывать.

Но Варя была уже около мальчиковъ, гдѣ толкли сахаръ: дайте–ка я потолку! — Эту работу Эмилія Ѳедоровна охотно передала неугомонной дѣвочкѣ; видно, шумная и звонкая стукотня пришлась ей по вкусу. Варинька усердно занялась сахаромъ и истолкла его мелко и скоро. Мальчики изо всѣхъ силъ рубили говядину на котлеты. Наконецъ повѣстили о томъ, что все для пирожнаго готово, и дѣти собрались вкругъ стола: девять желтковъ

съ полуфунтомъ сахару были сбиты, какъ густая сметана; Анхенъ такъ искусно подняла девять бѣлковъ, что дѣти приняли ихъ за глыбу снѣга и Миша съ Алешей очень обрадовались: они вообразили что мороженое дѣлается изъ снѣга съ сахаромъ, и потихоньку сообщили другъ другу о томъ, что за обѣдомъ будетъ мороженое. Желтки и бѣлки смѣшали, положили туда три осьмушки толченаго миндалю, стертую на сахарѣ съ одного лимона цедру, по небольшой щепоткѣ толченой гвоздики, мускатнаго цвѣта, кардамона и немного мелко изрѣзаннаго цуката; перемѣшавъ все это, всыпали сушенаго ржанаго хлѣба, натолченаго въ мелкій порошокъ. Миша запрыгалъ и захлопалъ въ ладоши; просѣянные сухари ему показались тертымъ шоколадомъ, которому онъ очень обрадовался.

Аля держала большую жестяную чашку наслоеную, то есть всю вымазанную внутри чухонскимъ масломъ, это дѣлается для того, что–бы пирогъ легче вышелъ изъ формы. Жидкое тѣсто почти вылили въ эту

чашку, и Эмилія Ѳедоровна бережно поставила ее въ желѣзный шкапъ, что обыкновенно дѣлается съ боку плиты.

— Ай, ай, ай, зачѣмъ вы туда ставите! закричали мальчики, хватаясь за дверцы шкапа, вѣдь мороженое будетъ теплое! вѣдь оно тамъ растаетъ, у плиты очень жарко!

— Мороженое? спросила удивленная Эмилія Ѳедоровна. Дѣвочки захохотали въ голосъ. Какое это мороженое? это пирожное!

— Это лорхенъ–кухенъ, поучительно сказала Лина.

Миша, красный какъ ракъ, стоялъ разиня ротъ; Алеша былъ также взволнованъ, — оба ошиблись въ разсчетѣ.

— А снѣгъ–то, а шоколадъ–то? проговорили они въ недоумѣньи.

Дѣвочки опять засмѣялись: это не шоколадъ, а черный хлѣбъ!

Шаловливую Варю очень смѣшило это недоразумѣнье, она, проворная какъ обезьяна, захватила въ щепотъ оставшіяся ржаныя крошки и мазнула ими Мишу по

губамъ, который, сердито отмахнувшись, побрелъ вонъ изъ кухни.

— Мама, мама! Когда же мы станемъ печь комъ–моргенъ–видеръ? Послѣднія слова Лина проговорила шепотомъ; она хорошо помнила вчерашній разговоръ съ отцомъ, и его шутку приняла за настоящее предостереженье.

— Ну, дитя мое, я чуть не забыла о блинчатыхъ пирожкахъ! Анхенъ, дай–ка намъ три яичка, три стакана молока, тамъ на полочкѣ осталось кажется распущенное чухонское масло, дай и его полторы ложки, а сама пока приготовь говяжій фаршъ.

Опять вокругъ чашки собралась цѣлая куча дѣтей; они во всѣ руки мѣшаютъ три яичка съ шестью ложками муки и съ распущенымъ масломъ, Аля же помаленьку подливаетъ молока.

— А соли, парисня! безъ соли плина не короса пуваетъ, сказала Анхенъ, и въ туже минуту ухватила за руку Вариньку, которая, захватя горсть соли, спѣшила бросить ее въ тѣсто, чѣмъ она бы его вовсе испортила. Дѣти вскрикнули; Варя,

пойманная врасплохъ, сыпнула солью во всѣ четыре стороны и захохотала, и всѣ глядѣли на нее съ изумленьемъ.

— Варенька, уймись, а не то я тебя прогоню изъ кухни! тихо, но положительно сказала хозяйка. Строгій голосъ прежней учительницы поудержалъ дѣвочку и она стала осматриваться, чѣмъ бы ей потѣшиться и подивить бойкостью своею дѣтей, не подвергаясь однакоже непріятному наказанью. Веселыя подруги ея начали печь блины, выливая на сковороду по полчайной чашкѣ жидкаго тѣста; такой блинокъ готовъ минуты въ двѣ, и дѣвочки радостно чередуются, пекутъ, снимаютъ блинки со сковороды, складываютъ на блюдо, опять маслятъ сковороду и вновь, подливъ тѣста, готовятся подымать блинъ; конечно не всякій сходитъ удачно, иной порвется на боку, другой лопнетъ посередкѣ, но дѣти не унываютъ: подложивъ немного поболѣе маслица, они опять–таки наливаютъ тѣста, и минутки чрезъ двѣ снимаютъ тоненькій, бѣленькій блинокъ со сковороды; всѣ

веселы и радостны. Миша, забывъ о своемъ горѣ, возится вмѣстѣ съ другими дѣтьми; когда же перепекли все тѣсто, то стали свертывать блины трубочками, накладывая напередъ въ середку фаршу, потомъ всѣ эти сверточки положили на большую сковороду и еще разъ поджарили.

— Ну, дѣти, теперь стряпня наша оканчивается, надо сдѣлать подливку къ курицѣ, сказала хозяйка, и взявъ кастрюлечку, положила въ нее кусочекъ масла величиною въ пол–яйца, и ложку муки, размѣшала это подъ плитой, подлила наварцу, помѣшала еще, — и подливка готова. — Вотъ этимъ соусомъ, сказала она, мы обольемъ рисъ съ курицей, а сверхъ всего посыплемъ тертаго сыру.

Никогда дѣти не садились такъ радостно за столъ, какъ сегодня; никогда не ѣли такъ охотно; и супъ съ пирожками, и курица съ рисомъ, и котлеты, все для нихъ чудо какъ вкусно; только взглядъ на пирожное заставилъ было кое–кого пригорюниться.

— Чудо, что за пирогъ, сказала Аля, я никогда не ѣдала такого!

— Это лорхенъ–кухенъ, по–русски Лорино пирожное, сказала Лина. Чудесное пирожное, такое сладкое, мягкое!

Залпъ Мишиныхъ рукоплесканій перебилъ Линины похвалы: забывъ о мороженомъ, Миша уставилъ глаза на пирожное, и не могъ дождаться своей очереди; видя нетерпѣнье брата, Саша отщипнула крошечекъ отъ своего куска и передала ему. Дѣти всѣ въ голосъ заявили свое удовольствіе, кушая прекрасное пирожное.

— Да отчего же оно Лорино кушанье? спросилъ кто–то изъ дѣтей.

— Вѣрно какая нибудь Лора его очень любила, живо сказала Саша.

— Нѣтъ, сказала Аля, сомнительно качая головой, не можетъ быть, чтобы его за это такъ прозвали, такой пирогъ не одна Лорхенъ, а всякій полюбитъ!

— Ахъ нѣтъ, сказала Лина, приподымаясь на стулѣ: пирогъ этотъ зовутъ лорхенъ–кухенъ потому, что одна дѣвочка, Лора, жила у своей крестной матери, баронессы, и училась тамъ всему

(это такъ въ книжкѣ написано), пояснила мимоходомъ Лина, и училась также стряпать такой пирогъ, а другія дѣвочки, которыя читали эту книжку, вздумали сами попробовать приготовить такое пирожное, а когда испекли его и отвѣдали, то оно имъ очень понравилось, и вотъ эти–то дѣвочки и прозвали лорхенъ–кухенъ.

Дѣти слушали разскащицу и ѣли, кусая понемножку; Эмилія Ѳедоровна взяла оставшіеся кусочки, перерѣзала ихъ и раздѣлила всѣмъ поровну.

— А Анхенъ, мама, вѣдь и Анхенъ надо также попробовать! — Дали и Анхенъ.

Послѣ обѣда дѣти плясали, потомъ въ сумерки усѣлись сказывать сказки.

Часовъ въ семь принесли свѣжее парное молоко, и рѣзвая стайка опять скучилась около плиты.

— Вотъ, дѣти, говорила Эмилія Ѳедоровна, сколько берется шоколаду, соразмѣрно молоку: полфунта на двѣнадцать чашекъ, а одну, тринадцатую чашку, прибавляютъ на укипку; вы знаете, что чѣмъ долѣе какую нибудь жидкость

варить, тѣмъ она болѣе укипаетъ, т. е. уходитъ парами. И мы теперь, отсчитавъ на каждаго по чашкѣ, прибавимъ одну на укипку.

Дѣти принялись считать, много ли понадобится чашекъ, разумѣется не обошлось безъ споровъ и ошибокъ; досчитавши однако до конца, сняли кастрюлю съ плиты, вылили изъ нее кипятокъ. Хозяйка объяснила дѣтямъ, что безъ этой предосторожности, молоко, налитое прямо въ сухую кастрюльку, легко пригораетъ, не смотря на то, что его мѣшаютъ. И такъ молоко отмѣрили, налили, поставили на легкій огонь, палочки же шоколада сложили въ глубокую тарелку и поставили на плиту; вскорѣ онѣ размякли, такъ что ихъ можно было давить и растирать столовой ложкой; старшія дѣвочки терли, а Лина подливала воды въ тарелку, потому что шоколадъ лучше распускается въ водѣ, чѣмъ въ молокѣ; дѣтямъ велѣли тереть шоколадъ до густоты сметаны, потомъ вылить въ кипящее молоко, и опять мѣшать хорошенько.

Линина мать была большая мастерица варить шоколадъ, а старуха–кухарка, забавляясь дѣтской радостью, взбила на шоколадѣ такую пѣну, что вмѣсто одной чашки на долю каждаго пришлось чуть не по двѣ.

— Ахъ какъ у тебя весело, Лина, говорили дѣти, ни у кого не бываетъ такъ хорошо какъ у тебя!

И правда, никто не видалъ какъ прошло время, только конецъ вечера испортила опять Варя. Дѣвочкѣ этой не терпѣлось въ покойной бесѣдѣ или въ порядочныхъ играхъ, ей всегда хотѣлось чего нибудъ новаго, и она безрасудно, безсмысленно кидалась на все, что на умъ взбредетъ или что мелькнетъ ей передъ глазами. На столѣ передъ зеркаломъ стояла небольшая лампа съ бѣлымъ колпакомъ, Варенька схватила его, и чтобы подивить подругъ своею смѣлостью и ловкостью, нахлобучила его себѣ на голову.

— Варя! Варя! Ахъ, что ты дѣлаешь! Разобьешь! закричали дѣти, но никто не

рѣшился отнять у нея колпака, боясь разбить его въ борьбѣ съ нею.

— Варенька, душенька, оставь колпакъ, ты разобьешь его, тоскливо упрашивала Аля.

— Вотъ вздоръ! онъ такъ крѣпко держится на головѣ, что могу вовсе не придерживать его, хвастливо сказала Варя, опустивъ руки; и правда, что колпакъ на головѣ держался прямо.

— Я даже могу въ немъ танцовать! и съ этими словами Варенька пустилась выпрыгивать вторую фигуру французской кадрили.

Перепуганная Лина побѣжала за матерью, — но было поздно! Подходя къ двери, Эмилія Ѳедоровна услыхала стукъ и звяканье стеколъ, — бѣлые черепочки запрыгали по полу. Общее: ахъ! потомъ шумное дѣтское негодованье и Линины слезы, все это на мгновенье оглушило вѣтреницу: она стояла не шевелясь, не подымая глазъ, хотя и чувствовала, что всѣ смотрятъ на нее; ей было совѣстно Эмиліи Ѳедоровны. Но Варя не знала, какъ велика

ея шалость, она не видала и не понимала бѣдности, слѣдовательно понять не могла и того, что покупка новаго колпака поведетъ ко многимъ лишеніямъ въ хозяйствѣ.

Лина, знавшая и понимавшая всѣ тайны домашнихъ обстоятельствъ, тотчасъ смекнула, что деньги, скопленныя матерью на покупку цвѣтовъ ко дню рожденія отца, пойдутъ теперь на это дѣло.

— Мама, бѣдная мама! рыдая и цѣлуя мать, говорила Лина....

— Полно, Лина, не ребячься, принеси лучше щетку, да вымети черепочки; всѣ до одного подмети, чтобы Мальхенъ, ползая по полу, не порѣзалась объ нихъ.

Лина грустно пошла въ кухню, дѣти побѣжали за нею.

— Линочка, Лина, послушай, говорили Мери съ Сашей, — тамъ въ Столешниковомъ переулкѣ есть точно такія лампы, и совсѣмъ такіе же колпаки, ты скажи это мамѣ твоей!

Много труда стоило дѣвочкѣ пояснить подругамъ, что дѣло станетъ не за отысканьемъ вещи, а за деньгами. Дѣти

слыхали, а иные и видали бѣдность неопрятную, грязную, докучную, но бѣдности приличной, спокойной, даже счастливой, они не видывали, и потому то съ трудомъ поняли, отчего нельзя купить колпака на лампу, и вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтовъ къ рожденью Эдуарда Ивановича.

— А какіе цвѣты твой папа больше любитъ? спросили Сережа съ Алешей.

— Мама хотѣла купить мирточку, желтофіоль, да еще резеды.

— Такъ хорошо же! крикнулъ Алеша, хлопнувъ себя кулакомъ въ ладонь, и тутъ же что–то шепнулъ Мишѣ. Дѣвочки, всѣ до одной, что–то поняли и вдругъ, повеселѣвъ стали обнимать Лину.

— Ахъ, Линочка, я что–то хорошее придумала! закричала малютка Мери, повиснувъ у Лины на шеѣ; Сережа потянулъ къ себѣ скоренькую сестрицу свою и заказалъ ей молчать.

— Лина, я тебѣ теперь ничего не скажу, Сережа не велитъ! а это что–то очень хорошее, что мы вздумали! папѣ твоему

будетъ очень весело! досказала Мери, уводимая братомъ.

Въ день рожденья Эдуарда Ивановича, когда маленькая семья усаживалась за самоваръ, подлѣ котораго стоялъ прекрасный праздничный крендель, вдругъ чуткому носику Лины послышались какіе–то духи: поднявъ носикъ вверхъ и слѣдя въ воздухѣ какой–то нѣжный запахъ, она прямо побѣжала въ кухню; тамъ старушка Анхенъ весело помогала ходячему снимать съ лотка и развязывать горшки желтофіоли, миртъ и резеды, изъ–подъ котомки выглядывали листья красной драцены и еще какой–то свѣжей зелени; Лина взглянула на столъ — стояло небольшое апельсинное деревцо, покрытое душистымъ цвѣтомъ. Это были дѣтскіе подарки учителю. Черезъ часъ изъ того же магазина принесли довольно большое дерево, которое уже было съ нѣсколькими боковыми побѣгами; огромные блестящіе листья его такъ пышно

и красиво держались на упругихъ стебляхъ. Чей былъ этотъ подарокъ, никто не дознался! Прислала ли его бабушка, или шаловливая, но добрая Варя?